

● На вашу книжную полку

„Магнитное поле“

(Окончание.)

Начало в № 92, 93).

Перед нами стихотворение — раздумье. Лирика раздумий волнует читателя иной эмоциональностью — эмоциональностью мысли. В таких стихах, как правило, заключен интеллектуальный конфликт, и мы с напряженным интересом следим за «драмой идей».

Большинство последних стихов Валерия Зубарева построено по этому принципу. В стихотворении, давшем заглавие книге, поэт вспоминает о том невеселом периоде в своей жизни, когда он в «броуновском движении желаний и брошенных дел» забыл постоянство, «терялся, толкался напрасно» без всякой цели.

Но с этим смятением

боролась

какая-то сила извне.

И даже молекулы, строясь,

казалось, равнялись во мне.

Как будто в магнитное поле

кусочек железа попал...

Неволя? Но понял

в неволе,

что я — не презренный

металл.

Поэт оперирует понятиями элементарной школьной физики. Но эти понятия освещаются вдруг новым светом, приобретают многоплановость и глубину. В самом деле, предоставленные самим себе, мы ничего не значим. Только в «магнитном поле» окружающих людей можно стать самим собой и «поднять первое дело».

Но наиболее глубокой, мне кажется, цикл стихов о взаимоотношении природы и человека. Для Зубарева человек и природа — единое целое. Все разнообразие фауны и флоры, говорит поэт, было гениальными набросками до тех пор, «пока не появился человек». Человек не может без «природы» в общепринятом смысле слова. А она, природа?

Со мной она станет мною,

осмыслит себя — охнет...

Уйду — за моей спиной

ослепнет она, оглохнет.

Самоосознать себя в человеке, природа его руками переосоздает себя.

Это об удачах поэта. Но сказать, что он полностью овладел поэтическим мастерством было бы неверным.

В стихотворении «Судьба привела на минутку» настораживает тенденция, которая с еще большей силой проявилась в некоторых других стихах Зубарева. Поэт рассказывает, как «судьба привела на минутку к его одинокой скамье девочку — смешную малютку». Девочка приласкалась к дяде и помешала ему мыслить. «Но все же ее машинально погладил я по волосам».

Девочку унесли, а поэт еще долго разглядывал тяжелую руку свою, «которая раньше и легкой и щедрой была».

Стихотворение интересно своей обнаженностью. Поэт не скрывает, что с ним «что-то не то». Такой критический взгляд на самого себя иногда полезен. Но в некоторых стихах Зубарева рефлексия становится гипертрофированной, раздумья подменяются абстрактным «любомудрием»:

Вспарить презрительным

орлом

и в том падении высоком

весь мир, простертый

под крылом,

окинуть взглядом

философским.

Декларативно, но ждешь развития темы.

Может, оригинальным ходом поэт «вытянет» стихотворение? Но заканчивается стих глубокомысленной сентенцией «И в общем-то немудрено, что сам собою я не познаю. Я человек, мне все дано: ходить, летать и даже ползать». Стихотворение написано как бы по обязанности, вяло, без веры, которая могла бы бросить новый свет на привычные явления.

Не менее сентенциозен и стих «А, может, зрелость для того дана».

А, может, зрелость для

того дана,

чтоб протекали дни,

не потрясая,

чтоб жить теперь,

тихонько созерцая

да не мирок — а мирик

из окна?

Уже в самой постановке этого вопроса чувствуется натянутость, нарочитость. Это заданный тезис, который будет, наверно, опровергнут поэтом. И точно. Во второй строфе автор задумывается над мальчишней рогаткой, которая может разбить его тонкое окно. Рогатка превращается в некий символ, грозящий разрушить микромир остепенившегося личичьего героя. Вся эта символика довольно смешна.

Вряд ли удачно и стихотворение «Воскресный день, шагаю я...». Поэт во время прогулки останавливается у муравьиного домика и наблюдает за жизнью его обитателей. «Осадит целая орда какой-нибудь скелет паучий и никакой тебе научной организации труда». Автор юмористичен. Думаю, что подобными забавными деталями можно было бы ограничиться. Но поэт вдруг глубокомысленно заявляет:

И новых дум боюсь:

что это бьется, может

быть,

народец многомиллионный

вулканчик эволюционный

пытаясь разбудить...

и превращает стих в сухую иллюстрацию к статье из научно-популярного журнала.

Сомнительной мне кажется и философия стихотворения «Смысл жизни — жить, а я не жил...». Лирический герой кается, что раньше он искал какой-то «высший смысл» жизни. Но это было до тех пор, пока он не «вынырнул из сурдокамеры раздумий». Теперь все в порядке. Смысл жизни найден. Он в том, что «него — так ведь оно скрипит. Бумага, так она белее! Малозато...».

По-моему, сбитник «Магнитное поле» только выиграл бы, если взамен этих, явно слабых стихов, в него были бы включены некоторые зрелые стихотворения из первой книжки.

Но все это — частные просчеты. Они лишь подчеркивают, что путь в настоящую поэзию сложен и тернист. А то, что Зубарев уверенно шагает по этому пути — несомненно. В этом нас убеждает лучшие стихи сборника.

В. ШИРЯЕВ.